

Кобзарь Тараса Шевченка

Коштом Платона Семеренка. СПб 1860 года. В 8 д. л. 244 стр. (С портретом Шевченка.)

М. Л. Михайлов. Сочинения в трех томах.
Том третий. Критика и библиография. <Записки>
М., ГИХЛ, 1958
[OCR Бычков М. Н.](#)

Недавно, в предисловии к малороссийскому альманаху "Хата", мы нашли следующее сопоставление имен: Шекспир, Вальтер Скотт, Шиллер, Мицкевич, Пушкин, Гоголь, Квитка, Шевченко. Издатель альманаха и автор этого предисловия, г. Кулиш, не раз уже высказывал свое чрезмерно высокое мнение о слабых попытках малороссиян создать особую от русской, собственную народную литературу; но, кажется, еще в первый раз ставит он в число мировых поэтов, наравне с Шекспиром и Шиллером, Квитку и Шевченка.

Мы вполне сочувствуем г. Кулишу в его любви к родине, в его желании блага и счастья ей, богатства и развития родному его слову; но полагаем, что своими необдуманно-преувеличенными возгласами о величии и гениальности украинской письменности (и литературой-то этих попыток назвать нельзя) он только подрывает авторитет писателей, которых хвалит. Всего-то писало по-малороссийски два-три человека, и эти два-три человека оказываются всемирными гениями. Каково богатство народного духа! Если, как того желает г. Кулиш, на малорусском наречии возникнет целая широкая литература, эта литература, судя по началу, представит неслыханное и невиданное изобилие "Скоттов, Шекспиров и Дантов". Г-н Кулиш делает, правда, в помянутом предисловии небольшую уступку людям, не столь легко приходящим в восторг, как он: в число гениев он не допускает еще Марка Вовчка; но едва ли не скрепя сердце решается он на эту уступку. "Гоголь в "Вечерах на хуторе" стоял наравне с Марком Вовчком; а потом перерос его неизмеримо", -- говорит г. Кулиш. И так станем ждать от автора "Украинских рассказов" новых "Мертвых душ", нового "Ревизора". "Шевченко (продолжает г. Кулиш) в первых балладах не выше, чем Марко Вовчок в своей "Сестре"; в "Катерине" же он поднялся до Пушкина как художник, а в 1846 году -- и до Мицкевича как поэт всеславянский". До Шекспира как поэта всенародного остается, значит, всего один шаг. Возгласы г. Кулиша, трудящегося в поте лица над созданием украинской литературы, были бы только смешны -- и больше ничего, если б не касались писателя действительно высоко даровитого, как Шевченко. Сравнить с Шекспиром Квитку, посредственного автора посредственных повестей, сказать, что перед жалкими побасенками рутинного борзописца Гребенки -- дрянь басни Крылова (смотри ту же "Хату"), это черты высокого комизма, вроде рассказа Хлестакова о том, как у них там "и вист свой составил: министр иностранных дел, французский посланник, немецкий посланник и я". Вы от души хохочете над этой уморительной выходкой, но смех ваш переходит немедленно в досаду, как скоро к именам Квитки и Гребенки примешивают имя Шевченка. Этот оптимизм, для которого все то хорошо, что написано по-малороссийски, достигает совсем не той цели, какая у него в виду. Если г. Кулишу действительно дороги успехи его родного слова, то содействовать им можно лишь серьезною и строгою критикой. Всякие похвалы останавливают совершенствование. Скажите, каких еще благ ждать литературе, у которой есть два таких писателя, как Шекспир? Квитка и Шевченко -- прозаик и поэт -- чего ж больше? Чтобы делать такие легкомысленные сравнения, надо или быть самодовольну до слепоты, или иметь слишком узкое понятие о судьбах народности малороссийской.

Как ни глубоко уважаем мы наших лучших писателей -- Гоголя и Пушкина, мы никак не можем предположить, чтобы и они имели такое всемирное значение для будущих веков, какое имеет и будет иметь Шекспир. Если б мы думали, что на все вопросы даже ближайшего будущего России найдется ответ у этих писателей, мы ограничили бы свой ход вперед немногими шагами; если б мы верили, что иных, более совершенных идеалов уже не создать искусству, мы не признавали бы совершенствования в жизни и в мысли человечества.

Нам кажется, мы окажем больше уважения к таланту г. Шевченка, если сравним его не с Шекспиром, а с такими замечательными народными поэтами, как наш Кольцов или шотландский Бернс. Силой поэтического чувства, глубоким, сердечным пониманием лишений и нужд, печалей и радостей народных, безыскусственным, прямым и ясным складом мысли и речи он не уступает ни тому, ни